

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

*А.В. КИВА***Модели китайских
и российских реформ:
в чем коренное отличие**

Автор предлагает сравнительный анализ экономических реформ в постсоветской России и КНР за последние 20 лет. В центре его внимания стартовые условия обеих стран, результаты реформ, причины их успеха и провала.

Ключевые слова: модели реформ, капитализм, социализм, научно-техническое развитие, инновации, коррупция, бизнес.

The author offers a comparative analysis of economic reforms in post-Soviet Russia and China in the past 20 years. He concentrates on initial conditions of both countries, the results of the reforms, the causes of their success and failure.

Keywords: model of reform, capitalism, socialism, scientific and technological development, innovation, corruption, business.

Успехи Китая поистине феноменальны, но реакция на них в мире разная. Одни ими восхищаются, других они пугают, а третьи их сознательно приуменьшают. В нашей литературе чаще всего фигурируют такие цифры: за первые 30 лет реформ, решение о которых в КНР было принято в декабре 1978 г., ВВП ежегодно увеличивался на 9,8% и в итоге вырос в 15 раз. Промышленное производство увеличилось более чем в 20 раз, внешнеторговый оборот – в 100 раз. А директор Института экономики Шанхайской академии международных исследований Ли Синь пишет, что за указанный период ВВП увеличился в 84 раза, а экспорт – в 554 раза [Ли Синь, 2011, с. 85]. Возможно, сказывается разная методика подсчета – в постоянных, текущих ценах или в переводе на паритет покупательной способности (ППС). Но те и другие цифры впечатляют.

Если с наступлением мирового финансово-экономического кризиса экономика в США и странах Евросоюза упала, а в России – очень глубоко, то в Китае она продолжает успешно развиваться. Так, в 2009 г. ВВП вырос на 9,1%, в 2010 г. – на 10,3%, в 2011 г. – на 9,3% и в 2012 г. – на 7,8%, составив 8,23 трлн долл. Это по обменному курсу, а по ППС, по данным Мирового банка, на 2011 г. он составил 11,3 трлн долл. По объему внешнеторгового оборота (в 2012 г. – 3,87 трлн долл.) Китай занял первое место в мире, обогнав Японию и Германию. Очень важный показатель успеха реформ и благополучия в стране – средняя продолжительность жизни. В Китае она поднялась с 55 лет до 79 – как для мужчин, так и для женщин.

А каковы российские достижения за 20 лет реформ? Коллектив сотрудников Института экономики РАН и Института социологии РАН к 20-летию российских реформ подготовил аналитический материал, из которого следует, что в 2011 г. объем промышленного производства составлял около 88% от уровня 1991 г., машин и оборудования производилось на 40% меньше, а производство металлорежущих станков и кузнечно-прессовых машин – соответственно, только 4 и 8% от уровня 1991 г. Авторы делают вывод: “Развивается тенденция деиндустриализации российской экономики и нарастания технологического отставания от стран-лидеров”. При этом они подкрепляют это пугающими цифрами: к концу первого десятилетия наступившего века производство автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки сократилось в 140 раз, металлорежущих станков с числовым программным управлением – более чем в 40 раз, кузнечно-прессовых машин с числовым программным управлением – более чем в 7 раз. А ведь это основа промышленности, без которой страна неспособна выпускать машины собственной конструкции [Двадцатилетие... 2012].

Но еще больше пострадали высокотехнологичные и наукоемкие отрасли. Тут объем продукции сократился вдвое, число промышленных предприятий, осуществлявших технологические инновации, оставалось на уровне 10%, а доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме реализованной продукции – на уровне 4–5%. Если передовые страны развиваются в рамках шестого технологического уклада, то Россия – четвертого, что делает перевод нашей сырьевой экономики на инновационный путь развития нереальным в обозримой исторической перспективе. Поясню: четвертый уклад – этап промышленного и научно-технического развития, на котором передовые страны находились 40–50 лет назад. Иначе говоря, пора перестать выдвигать заведомо невыполнимую задачу создания инновационной экономики, а думать о том, как нам создать устойчивую систему жизнеобеспечения на случай потери доходов от экспорта энергоносителей.

Ненамного лучше обстоят дела и в сельском хозяйстве. Валовой сбор зерна и производство яиц в 2007–2011 гг., как пишут ученые, был ниже на 15%, картофеля – более чем на 30%, а молока – более чем на 40% от среднегодовых показателей 1986–1990 гг. А что касается средней продолжительности жизни, то в России в период реформ в 1990-е гг. она сильно упала, потом медленно поднималась, составив в 2011 г. около 70 лет [Двадцатилетие... 2012].

Наша наука, поставленная на голодный паек, понесла практически невосполнимые потери. Что будет с ней, если по новому закону учеными начнут командовать чиновники, пока сказать трудно. Но вполне возможно, что научные исследования будут сведены к решению текущих задач, и тогда можно забыть о прорывных открытиях в науке, а соответственно, и об отечественных лауреатах Нобелевской премии. И вообще, непонятно, как можно начинать коренное реформирование основных научно-исследовательских центров страны без крупных финансовых затрат, которые госбюджетом не предусмотрены?!

Относительно социальной сферы, по мнению исследователей двух академических институтов, большинство россиян (около 70%) считают, что реформы проводились в интересах как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремившихся завладеть бывшей социалистической собственностью. Причем они привели к ухудшению во всех сферах жизни, особенно в экономике и в социальной сфере. Растет недовольство, связанное с ростом коррупции, бюрократическим насилием, а также с деградацией социальной сферы, собственной беспомощностью и невозможностью повлиять на происходящее. Естественным следствием этого становится и рост агрессивных настроений.

Стартовые условия двух стран

Чтобы было корректным сравнение результатов реформ двух стран, необходимо оценить их стартовые условия. Прежде всего отметим географический фактор: Китай отличается выгодное географическое положение прибрежных районов с относительно

развитой инфраструктурой. Немаловажна была и помощь разбросанных по миру этнических китайцев (“хуацяо”), отличающихся редкой преданностью родине и готовностью ей помогать в трудный период. И, что очень важно, была объективная возможность улучшить жизнь народа уже в первые годы реформ за счет резкого увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Причем для этого не требовалось вкладывать средства, достаточно было снять сковывающие интерес и инициативу крестьян облучи коммуны, передать им землю в семейный подряд, и они буквально за несколько лет обеспечили страну продовольствием, а промышленность – сырьем. Важно и то, что в отличие от России Китай сохранил прежнюю форму государственности с руководящей ролью правящей коммунистической партии, которая Дэн Сяопином была превращена в мотор реформ.

Но эти преимущества перекрывались множеством острых и труднорешаемых проблем. Так, востоковед В. Невейкин пишет: «...на момент начала реформ можно констатировать, что Китай обладал следующими “преимуществами” перед другими странами социализма: невероятной скученностью народа; истощенностью земли многотысячелетним земледелием; низким образовательным уровнем; беспросветной бедностью, доходившей до повсеместного физического голодания; отсутствием какой-либо современной инфраструктуры; крайне отсталой промышленностью; низкоэффективным сельским хозяйством (где “трудолюбивые” китайские крестьяне занимались всем, только “не пахали”); засильем от произвола невежественных “ганьбу” (кадровых работников); практически полным искоренением представителей “китайской интеллигенции” трудовым “перевоспитанием” в деревне во время культурной революции. Прибавьте к этому историческую склонность к бюрократии, коррупции, тайные общества в виде “триад”, вернее, к системному бандитизму и вымогательству при малейшем ослаблении центральной власти, и вы поймете только небольшую часть тех проблем, перед которыми стояло тогдашнее китайское руководство во главе с Дэн Сяопином, только-только вышедшее из политического противостояния с “бандой четырех” под предводительством Цзян Цин (вдовы Мао Цзэдуна)... Вот такие “преимущества” были у когда-то братского народа Китая» [Невейкин, 2010].

И хотя новой России пришлось создавать новую государственность, экономическую и политическую систему, выстраивать иные отношения с бывшими советскими республиками и социалистическими странами, у нее были огромные преимущества перед Китаем. Ее ВВП был более чем в два раза больше китайского и не было развала экономики, науки и социальной сферы, как то произошло в ходе “культурной революции”, когда большая часть китайцев оказалась в глубокой нищете. В России было грамотное и по преимуществу городское население, в то время как в Китае сельское население составляло более 80%. Была более развита экономика, имелся мощный научно-технический потенциал, многомиллионная интеллигенция, наличие огромных запасов ценного сырья, и прежде всего энергоносителей, сотен миллионов гектаров пригодной для обработки земли, богатых лесных и водных ресурсов и т.д. В чем же секрет такого различия в результатах реформ?

Социально-экономические реформы

Стратегической целью развития Китая команда Дэн Сяопина объявила строительство социализма с китайской спецификой, а промежуточной – создание общества средней зажиточности – “сяокан”. То есть общества, в котором каждый китаец будет иметь минимальный набор жизненно важных благ: работу, жилье, возможность учиться, лечиться и пр. (Руководство КНР поставило цель построить такое общество к 2020 г.) И поскольку официально было заявлено, что Китай находится лишь на начальной стадии строительства социализма, а на его построение может уйти 50–100 лет и более, то это, с одной стороны, давало народу историческую перспективу, а с другой – позволяло властям наполнять понятие “социализм с китайской спецификой” вполне

буржуазным содержанием. И в китайском обществе это воспринималось как движение вперед, к более зрелой форме социализма.

Модель социально-экономических реформ команда Дэн Сяопина не заимствовала где-то на стороне (хотя уже была известна так называемая восточно-азиатская модель реформ, доказавшая свою эффективность, в частности, в Южной Корее и Сингапуре), а разрабатывала сама, исходя из собственных реалий и учитывая при этом опыт и указанных стран, и советского нэпа, и венгерских реформ. И то, что модель получилась на редкость эффективной, ныне признает весь мир. Изначально она получила название “Реформа и открытость”, что на деле означало не просто открытость Китая миру, а использование ресурсов высокоразвитых стран для ускорения его роста.

Дэн Сяопину, как известно, было присуще стратегическое мышление. Он предвидел, что в условиях перехода к пятому технологическому укладу высокоразвитые страны все более масштабно будут избавляться от трудоемких, энерго- и материало- емких и загрязняющих окружающую среду производств. То, что транснациональные корпорации объективно были заинтересованы в необъятном китайском рынке, в более высоких прибылях из-за низких издержек, еще не решало проблему. Необходимо было, во-первых, найти каналы, через которые в страну шел бы не спекулятивный, а производительный капитал. И во-вторых, создать для него наилучшие условия, поскольку в инвестициях были заинтересованы и многие другие развивающиеся страны. Исходя из этого, ставка была сделана на свободные экономические зоны (СЭЗ), причем в крупных масштабах. В большинстве своем они создавались в приморских районах с мягким климатом, их обустраивали сами китайцы и предоставляли иностранным предпринимателям широкие льготы, а нередко и подыскивали им жилье в самых престижных районах. При этом иностранным предпринимателям была гарантирована безопасность. С криминалом в Китае, как известно, поступают сурово, а нападения на иностранных предпринимателей, их ограбление и т.п. караются беспощадно. Кстати, жизнь в Китае намного дешевле, чем в высокоразвитых странах.

Но еще было необходимо создать условия для приложения иностранного капитала. (Из России капитал бежит еще и от того, что за рамками нефтегазового сектора не видит интересных для себя сфер приложения.) С этой целью в Китае сразу же после начала реформ развернулось широкомасштабное строительство промышленных предприятий, современной инфраструктуры и т.д. именно в расчете на приток иностранного капитала. Вначале в страну пошел капитал китайских общин (“хуацяо”), а потом и едва ли не всех крупнейших международных корпораций. Все это и позволило Китаю в кратчайшие сроки совершить промышленную революцию и превратиться в “мировую фабрику”.

Китайское руководство шло на опережение событий, заглядывая далеко вперед на многих направлениях. Казалось бы, для Китая развитие науки и высоких технологий – бесплодная мечта. Ведь в годы “культурной революции” (1966–1976 гг.) студенты не учились в вузах, частично составляя костяк “хунвейбинов” (“красногвардейцев”), или, как и профессора, “перевоспитывались” в деревне. Если в России в первые десять лет реформ принесли очередную “демографическую яму”, то в Китае за те же десять лет образовалась “кадровая яма”. И тем не менее китайское руководство нашло пути решения и этой проблемы. Оно в массовом порядке стало направлять студентов на обучение в лучшие западные, преимущественно американские, университеты. В конечном итоге образование в развитых странах получили от 1,5 до 2 млн китайцев. Не все они сразу вернулись в страну, но Пекин их и не принуждал к этому. Многие вернулись позже, когда состоялись в странах обучения как крупные ученые и специалисты. Одновременно многие видные западные профессора приглашались в Китай на постоянную работу и/или для чтения курса лекций. Читают там лекции и крупные российские ученые, как, например, физик, академик РАН В. Захаров.

Но при этом КНР вкладывала в развитие образования и науку огромные средства, во много раз большие, чем Россия. И вот результат: по рейтингу QS (Quacquarelli Symonds) 2011/2012 гг. в список 300 лучших университетов мира попали 14 китай-

ских университетов и только два российских (<http://e-educ.ru/240-reyting-luchshih-universitetov-mira-20112012-ot-quacquarelli-sy...>). А по рейтингу The Times Higher Education World University Ranking 2012–2013 гг. в число 200 лучших университетов вошло шесть китайских университетов. При этом четыре университета заняли, соответственно, 35-е, 46-е, 52-е и 65-е место, а два других – соответственно, 124-е и 182-е место. И ни один российский университет не вошел в число 200 лучших. И это уже серьезный повод для беспокойства, поскольку в число лучших университетов мира вошли вузы стран, никогда не славившиеся развитием науки, как, например, Сингапур (29-е и 86-е место), Южная Корея (59-е, 68-е и 86-е место), ЮАР (113-е), Тайвань (134-е), Бразилия (158-е), Новая Зеландия (161-е), Ирландия (187-е место) (<http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2012-13/...But.>). Закономерность очевидна: где резко вырос уровень науки (Сингапур, Южная Корея), там так же резко пошло в гору производство инновационной продукции, рост ВВП и уровня жизни граждан.

Для развития инновационной сферы китайское руководство “мобилизовало” те же источники, что и для индустриализации. Уже в начале 1980-х гг. были заложены основы двух технополисов в Шэньчжэне на юге Китая и Чжунгуаньцунь в Пекине и вокруг него. В погоне за прибылью западные корпорации стали тут же создавать в них свои филиалы. В итоге Шэньчжэнь и Чжунгуаньцунь превратились в крупнейшие инновационно-производственные центры, которые стали называть “китайскими кремниевыми долинами”. Например, Чжунгуаньцунь – это 10 промышленных парков, 27 тыс. компаний, в том числе 18 тыс. из числа крупнейших в мире. Это годовой доход в 227 млрд долл., притом что правительство ставит задачу к 2020 г. довести его до 1,5 трлн долл. Научную базу этой “кремниевой долины” обеспечивают 140 вузов и 39 колледжей, в которых обучаются более 400 тыс. студентов и аспирантов, а общая численность сотрудников давно перевалила за один миллион [Соловьев, 2011]. (На этом фоне наше “Сколково” кажется небольшой экспериментальной, но дорогой площадкой.)

Инновационно-производственные центры есть и в других крупных городах Китая. И что важно подчеркнуть, львиную долю средств на НИОКР дает уже частный отечественный и иностранный капитал. Вот что значит изначально взять курс на развитие промышленности и высоких технологий! На старте государство берет на себя основные расходы, а потом их несут производства, кровно заинтересованные в инновациях. По данным Ю. Саакяна, доля государственных расходов на НИОКР в Китае составляет 3% (<http://newsland.com/news/detail/id/818154>).

По числу филиалов крупнейших международных компаний от Чжунгуаньцуня не отстает и Шэньчжэнь. Там иностранный капитал представлен тайваньскими, американскими, французскими, японскими, британскими, немецкими, голландскими, швейцарскими, корейскими, итальянскими, бельгийскими, сингапурскими, индийскими, филиппинскими и даже вьетнамскими компаниями. И очень слабо представлен российский капитал – только производством светодиодной продукции Vantex Electronics. По данным на 2010 г., в Шэньчжэне обосновались около 30 тыс. иностранных предприятий (<http://www.eussianchina.ru/ru/cities>). А. Островский указывал, что уже в 2010 г. Китай производил высокотехнологичной и новой продукции без малого на 1 трлн долл. (<http://www.opes.ru/1360274.html>). Поставленная XVII съездом КПК (2007 г.) задача превратить страну из “мировой фабрики” в “фабрику знаний”, доведя к 2020 г. собственные инновации с 15–20% до 75–80%, отнюдь не кажется утопией. И вообще, Китай как бы развивается по собственным законам, вот уже более 30 лет ломая прогнозы многих аналитиков о скором замедлении его роста и даже крахе.

К числу факторов быстрого развития Китая, без сомнения, надо отнести чрезвычайно высокую долю накоплений – до 49% по отношению к ВВП, что в несколько раз больше, чем в России. Это достигается глубоко продуманной политикой, строгой экономией средств: скромная оплата работы чиновников; никаких заоблачных доходов у менеджмента государственных корпораций, “золотых парашютов” и пр.; никаких престижных проектов на начальных этапах реформ; действует прогрессивная шкала

подоходного налога; налажена система вложения в развитие экономики денежных средств граждан. В Китае не было ни конфискаций, ни финансовых пирамид, а доходы от вкладов по депозитам всегда выше инфляции. Поэтому бережливые китайцы доверяют государству и охотно держат деньги в государственном банке. А это огромные суммы. Ну и, конечно, это доходы, которые государство получает от экспорта, налогов, акцизов и т.д.

Работающие в Китае российские предприниматели подчеркивают, что накоплению инвестиционного капитала способствует и налоговая политика, которая не позволяет выводить средства из страны, как это имеет место в России. Полной конвертируемости юаня не существует до сих пор. Вывоз валюты ограничен и жестко контролируется. Бегство же инвестированного капитала практически исключено. Вложенные в китайскую экономику средства иностранный предприниматель может получить только посредством произведенного товара, 70% которого он должен вывозить из Китая и только 30% реализовать на месте. И при всем этом Китай обладает огромной инвестиционной привлекательностью для иностранного капитала.

Мощным толчком для развития китайской экономики стало вступление КНР в ВТО. Китай тщательно и долго готовился к этому, быстро и масштабно наращивая свой экспортный потенциал. Его рынок уже в достаточной мере был насыщен товарами, производимыми дочерними компаниями крупнейших мировых корпораций, так что для товаров, производимых в США и странах ЕС, оставалось мало места. Запад рассчитывал, что после переходного периода, он завалит Поднебесную своими товарами. А получилось наоборот: Китай стал в огромных масштабах выбрасывать на рынки западных стран свою дешевую и довольно качественную продукцию, с которой не могла конкурировать более дорогая продукция местных производителей. И это стало большой проблемой для Запада.

Важнейшая составляющая успеха китайских реформ – высокая эффективность работы государственного аппарата, высокий профессионализм и высокая ответственность чиновников за порученное дело. Невозможно, чтобы решения высшего руководства государства исполнялись лишь частично, а государственные средства тратились не по назначению, как это часто происходит в России. Нерадивого высокого чиновника за провал в работе, несмотря на преданность первому руководителю (в отличие от нашей традиции), не переводят на другой высокий пост, а с позором увольняют. Китаю неведомо, чтобы любая стройка обходилась в два-три раза дороже, чем в остальном мире, как это случается у нас.

Наши чиновники и близкие к власти эксперты нередко объясняют быстрый рост Китая то дешевой рабочей силой, то отсутствием пенсионной системы и даже большой безработицей, которая-де побуждает работника из всех сил трудиться, чтобы не оказаться на улице. На деле там рабочая сила становится все дороже. А например, в Шэньчжэне, крупнейших мегаполисах, как Пекин, Шанхай, Гунчжоу и др., она сопоставима со стоимостью рабочей силы в крупных российских городах. Пенсионная система охватывает все более широкие слои населения. Ощущается уже и потребность в “гастарбайтерах”, которые прибывают из Бангладеш и других стран с избытком дешевой рабочей силы. Демографическая политика Китая сыграла свою позитивную роль, но привела к старению населения.

В Китае созданы устойчивые и всем понятные правила ведения бизнеса. Продумана до мельчайших деталей система создания для него максимально благоприятных условий. Если “естественные монополии” несут убытки, то государство их покрывает. Об этом в своих публикациях подробно рассказывает Невейкин. Он более 20 лет живет в Китае, его фирма занимается разработкой и продвижением средств связи, имеет бизнес не только в континентальной части Китая, но и в Гонконге, на Тайване и в России. Ему есть что с чем сравнивать.

Например, на регистрацию бизнеса в России уходит больше года, а скажем, на Тайване – 30 дней; для получения разрешения на продажу иностранных товаров в России уходит два месяца, а на Тайване – 10 минут. Примерно так же быстро решают-

ся эти проблемы и в континентальном Китае. Без мзды и проволочек на Тайване и в Китае работают таможи и налоговые службы. Путаные и часто нелепые требования на всех уровнях российской бюрократической машины приводят к большим расходам, потере времени, что губительно сказывается на конкурентоспособности и отпугивает иностранных инвесторов. При малейшем намеке на взятку китайского чиновника увольняют со службы, и он теряет все, включая возможность найти новую хорошо оплачиваемую работу. Если же будет доказано судом, что чиновник незаконно остановил работу какой-то бизнес-структуры, хозяину (хозяевам) государство возмещает все связанные с этим расходы, включая упущенную выгоду, а потом их должна будет возместить семья чиновника. Но если будет доказано, что действия чиновника носили еще и умысел, то он неизбежно сядет в тюрьму [Невейкин, 2010].

В Китае бюрократия – избранная каста, как в России, но за нарушение закона несет наказания наравне с другими гражданами. Например, мэр Пекина Чэнь Ситун, которого прочили на пост генерального секретаря ЦК КПК, за передачу крупного государственного заказа своему родственнику и другие злоупотребления властью получил 16 лет тюрьмы. И многие другие высокопоставленные руководители Китая за казнокрадство и коррупцию были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, а некоторые – к смертной казни.

Политическая реформа Китая

На Западе и в либеральных кругах России часто можно слышать, что без политической реформы развитие Китая застопорится. Только что под политической реформой понимают авторы подобных утверждений? Конечно же, введение многопартийной системы, свободы слова, прессы и т.д. Если бы руководство КНР поддалось давлению извне и изнутри со стороны либеральных кругов, в том числе в самой партии, и последовало примеру команды М. Горбачева, то страна разделила бы судьбу СССР. Но, пожалуй, с более тяжелыми последствиями. На деле политические реформы начались в Китае одновременно с экономическими – только в духе градуализма, а не шоковыми методами, и в соответствии с национально-специфическими особенностями, характером массового сознания и уровнем экономического, социального, культурного развития страны.

После смерти Мао Цзэдуна (1976 г.) перед Дэн Сяопином и его сторонниками еще в период, когда преданный “кормчему” Хуа Гофэн занимал первые посты во власти, встали несколько актуальных принципиально важных проблем: отношение к Мао Цзэдуну; роль КПК в новых условиях; ее идеология; внешняя политика КНР. После того, как команда Дэн Сяопина окончательно утвердила свои лидирующие позиции во власти и имела уже готовые ответы на указанные и многие другие вопросы, в декабре 1998 г. была принята программа “Реформа и открытость”.

Дэн Сяопин дал такую оценку деятельности Мао Цзэдуна: Мао на 70% был прав и только на 30% неправ. И с тех пор такая оценка не пересматривалась. Дэн хорошо помнил, к чему привело разоблачение культа личности И. Сталина, притом что оно не избавило страну от возможного появления нового авторитарного руководителя. А чтобы не появился новый “кормчий” в Китае, он настоял на внесении в партийные документы и Основной закон страны положения о том, что генеральный секретарь ЦК КПК, он же и председатель КНР, а также премьер Государственного совета (премьер-министр) не могут занимать свои посты более двух сроков (каждый по пять лет). Сам же он руководил страной тоже не более 10 лет. С тех пор этот принцип соблюдается неукоснительно. В Китае невозможно, чтобы председатель КНР пересел в кресло премьера, а потом снова стал главой государства, передав кресло премьера бывшему главе государства. Регулярное обновление высшего руководства страны – не только препятствие формированию культа личности первого руководителя и в конечном итоге его перерождения, как было в СССР и Китае, но и сдерживающий фактор, удерживающий от волюнтаристских и противоправных действий высших должностных лиц. А еще –

и тормоз на пути роста коррупции в эшелонах высшей власти. Ведь иммунитета против судебных преследований бывшие руководители в Китае не имеют.

Коммунистическую партию Китая решено было сделать мотором экономических реформ, постепенно меняя ее политику, идеологию, социальный состав. В конечном итоге она превратилась в партию, открытую и для самых богатых людей, включая долларовых миллиардеров. И, как уже отмечалось, идеология строительства коммунизма была заменена идеологией строительства “социализма с китайской спецификой”. Деятельность КНР на внешнеполитической арене решено было свести к минимуму, все усилия направив на внутреннее развитие.

Демократизация также началась в рамках существующих в стране реалий, и прежде всего с самой правящей партии. Так, выборы в высшие органы власти проводятся на основе рейтингового голосования. Власти стали вводить в практику пока на местном уровне (во власть, уезд) выборы в органы власти на альтернативной основе, когда коммунистам могут противостоять некоммунисты. Перенимать у других стран непривычные для китайского общества методы формирования власти и формы правления руководители КНР не спешили. В Китае больше всего бояться хаоса, внутренней вражды, что и стало в свое время причиной слабости Поднебесной, превращения ее в полуколонию, в объект агрессии со стороны более сильных держав.

Возродилась активность Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), на первом пленарном заседании которого 1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика, поскольку поначалу он выполнял роль парламента (в последние годы правления Мао Цзэдуна о существовании НПКСК практически было забыто). В НПКСК ныне входят восемь политических партий, по китайским меркам небольших по численности (если иметь в виду, что на период работы XVIII съезда КПК в 2012 г. в ней насчитывалось более 82 млн членов) – от 60 до 150 тыс. человек. Они не противопоставляют себя КПК, напротив, признают ее руководящую роль, а самих себя считают ее попутчиками, выражая интересы определенных групп населения. Они представлены в законодательных и исполнительных органах КНР.

Стратегическая ошибка российских реформаторов

Стратегической ошибкой российских реформаторов “первой волны” стала ориентация на построение в новой России капитализма, хотя на уровне высшего руководства страны такая цель не провозглашалась ни в 1990-е, ни в 2000-е гг. На часто задаваемые многими россиянами вопросы “что мы строим и куда идем” ответа не было. Лишь ставилась цель то удвоить ВВП за 10 лет, то догнать по уровню экономического развития Португалию, то сделать страну конкурентоспособной. В то же время руководитель реформаторов “первой волны” исполнявший обязанности главы правительства Е. Гайдар, считавшийся в либеральных кругах великим теоретиком, не скрывал, что страна взяла курс на строительство капитализма. В книге “Государство и эволюция” он писал, что в наше время нельзя двигаться вперед, не идя к капитализму [Гайдар, 1995]. Легко угадать, что он переименовал не только название работы В. Ленина (“Государство и революция”), но и его крылатую фразу, что в XX в. нельзя идти вперед, не идя к социализму. Однако такая идеологическая “смена вектора” самым негативным образом сказалась на развитии страны.

В сознании китайцев реформы Дэн Сяопина воспринимались как движение страны вперед посредством исправления стоивших немалых бедствий для народа перегибов Мао Цзэдуна и выхода на путь строительства социализма в соответствии с китайскими реалиями. В сознании же россиян, прежде всего старших поколений, строительство капитализма расценивалось как движение назад, в дореволюционное прошлое. Отсюда затянувшийся на годы стресс и появление еще неведомого стране понятия “сверхсмертность”. Отвечающей как стратегическим интересам Российской Федерации, так и интересам преобладающего большинства россиян должна была стать идея строительства демократического социализма скандинавского (шведского)

типа через исторический этап государственного капитализма. Это был бы естественный путь прогресса, в чем-то сходный с эволюцией западной социал-демократии, которая постепенно избавлялась от основных постулатов марксизма, прежде всего в отношении характера экономического и государственного строя, и во многих странах перетягивала на свою сторону симпатии большинства электората.

Да, это был длительный путь эволюции. Поначалу социал-демократы, придя к власти, стремились к национализации крупной собственности, например банков, отраслей тяжелой промышленности, железных дорог и пр., и путем прогрессивного налогообложения, в том числе на наследуемую собственность, постоянно сужать разрыв между богатыми и бедными. Такую политику, в частности, проводили английские лейбористы. Но в результате ухудшалась работа национализированных предприятий, снижался жизненный уровень наемных работников, и социал-демократы на очередных выборах теряли власть. В итоге они пришли к выводу, что проблему надо перенести с владения собственностью на более справедливое распределение общественного продукта.

В настоящее время в странах, где длительное время у власти находятся социал-демократы, как и в странах, так сказать, классического капитализма, доминирует частная собственность на средства производства, существует демократическая система, но гораздо лучше социальная защита граждан за счет более справедливого перераспределения общественного продукта. Нет и той социальной пропасти между богатыми и бедными, которая существует, например, в США, а с недавних пор – и в России. Если бы новый государственный строй у нас создавался, подчеркиваю, в ходе длительной эволюции, а не революционным рывком, не произошло бы развала экономики и научно-технической сферы, не было бы разграбления общенародной собственности, тотальной коррупции и мощной организованной преступности.

Тогда первоначальное накопление капитала пошло бы естественным путем, как, скажем, в Китае, а не за счет передела общенародной собственности. Но поскольку этот передел у нас происходил стремительно, без учета деловых качеств новых собственников и по большей части на сомнительной законной основе, а порой и в обход закона, то неизбежными стали последующие переделы собственности, включая рейдерские захваты, когда гибли сотни людей. Вспомним, что говорил К. Маркс о поведении капитала по мере нарастания нормы прибыли. У нас же прибыль могла достигать многих сотен процентов, что и позволяло появиться долларовым миллиардерам буквально через несколько лет после начала реформ.

Другой вопрос: были ли в стране силы, способные направить новую Россию по пути трансформации “позднесталинского”, но все еще тоталитарного социализма в демократический социализм? Ориентированная на Запад часть интеллигенции (западники) в период перестройки была социально активнее, чем почвенническая (славянофильская), более организована и занимала более сильные позиции в СМИ. Если бы в ведущих европейских странах в период выхода на сцену наших “младореформаторов” у власти находились социал-демократы и близкие им демократы в США, а президентом был бы политик типа Б. Обамы, то, возможно, мы имели бы другую модель реформ. Но с приходом к власти М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в США там господствовали неоконсерваторы, а в сфере экономической теории тон задавали неолибералы. Отсюда и фетишизация рынка как регулятора экономических, если и не общественных, отношений. Крылатая фраза А. Смита о “невидимой руке” рынка стала популярной среди наших западников. При таком взгляде на вещи неуместен разговор о том, что мы строим и куда идем.

* * *

Судьба страны на переходном этапе или в периоды глубоких кризисов в огромной мере зависит от масштаба личности первых руководителей. Вспомним К. Ататюрка в Турции, Ф. Рузвельта в США, Дэн Сяопина в Китае, Ли Куан Ю в Сингапуре и ряд других. Допустим, что у нас не было сильных лидеров со стратегическим мышлением.

Допустим также, что своими собственными силами мы не смогли выработать модель экономических реформ – отечественная экономическая наука была разгромлена еще в 1930-х гг. Но ведь многие положения Вашингтонского консенсуса реализовались и в некоторых других странах, в частности в Польше, где тоже не было указанных выше предпосылок. Но, как говорят сами польские руководители, в отличие от России в их реформах было больше терапии, чем шока, и не было ограбления народа. Отсюда можно сделать вывод, что дело не только в самой модели реформ, которая действительно не подходила для России, и не только в низком профессионализме ее исполнителей, что тоже было. А вот заинтересованность некоторых внутренних и внешних сил в реализации реформы шокowymi методами определенно была. Одни быстро обогатились, другие добились резкого ослабления экономического и научно-технического потенциала России.

Фатальной ошибкой стала изначальная ставка российских реформаторов на приоритетное развитие сырьевого нефтегазового сектора. От СССР Россия унаследовала от 70 до 80% научно-технического потенциала, у нас была целая армия инженеров и математиков, и при грамотной политике их потенциал можно было бы использовать для развития высокотехнологичных отраслей. Да, это сложная задача. Но ведь ее успешно решали в таких менее развитых странах, как Индия и Китай. Но там имелась политическая воля властей. Да, мы уже тогда отставали от передовых стран в некоторых высокотехнологических областях, особенно в электронике. Но не обязательно все начинать с нуля, а создавать совместные с западными компаниями технологические предприятия, приглашать в страну западных специалистов. Так, например, делал и делает Китай. Но так поступали и большевики. Едва ли не все крупнейшие стройки, включая предприятия ВПК, в период советской индустриализации построены по проектам, а то и при непосредственном участии команды американского архитектора А. Кана и нередко на основе новейших американских технологий. Высокоразвитая Япония не посчитала для себя зазорным пригласить в страну уже зарекомендовавшего себя во Франции как блестящего управленца в автомобильном деле К. Гона. Он, по сути, и вытаскил фирму “Ниссан” из глубочайшего кризиса.

Так же фатально ошиблись постсоветские власти, недооценив опасность коррупции. И хотя многие считают, что полностью ее искоренить нельзя, в Китае она резко сократилась, а в Сингапуре практически сведена к нулю. Ставший почти легендарной личностью его первый руководитель Ли Куан Ю, хорошо зная глубокие корни мздоимства в китайском обществе (а в Сингапуре китайцы составляют 70% населения), публично заявил, что за коррупцию и казнокрадство будут следовать жесточайшие наказания – независимо от того, какую должность или место в обществе занимает человек. Сегодня Сингапур – высокоразвитое процветающее государство, лидер по многим показателям экономического и научно-технического прогресса со средним годовым доходом на душу населения более 60 тыс. долл. В России, где возникла особо благоприятная среда для разрастания коррупции в ходе стремительного передела общенародной собственности, мы наблюдаем, скорее, имитацию борьбы с этим страшным злом.

Редким в мире феноменом стало предпочтительное расходование государственных средств не на создание новых производств и развитие высоких технологий, а на престижные и плохо продуманные цели. По оценкам, зимняя Олимпиада в субтропическом Сочи обошлась в 1,5 трлн руб.; проведение саммита АТЭС – в 300 млрд руб.; на развитие инфраструктуры для проведения мирового первенства по футболу в 2018 г. уже израсходованы сотни миллиардов долларов.

Создание фактически на голом месте без научной и опытно-конструкторской базы технополиса “Сколково” стало очень затратным, но, по мнению большинства ученых, неудачным проектом. На этом фоне финансирование РАН (до ее объединения с медицинской и сельскохозяйственной академиями) на уровне 62 млрд руб. в год – позор для страны, которая еще недавно находилась в числе стран с высокоразвитой наукой. Только в ближайшие годы финансирование вряд ли увеличится, а скорее и

уменьшится. Огромные расходы на непроизводительные цели стали одной из причин резкого падения темпов роста ВВП и снижения почти до нуля роста промышленного производства.

Перед Китаем стоит немало сложных и труднорешаемых проблем. Это прежде всего загрязнение окружающей среды, перенаселенность, истощенность многих природных ресурсов, большой разрыв между богатыми и бедными и т.д. Китайское руководство об этих проблемах хорошо осведомлено и делает все возможное для их смягчения, но в то же время хорошо понимает, что только при высоких темпах роста экономики их можно кардинально решить. Новый руководитель Китая Си Цзиньпин сделал акцент на расширение внутрипартийной демократии, на сужение разрыва между богатыми и бедными, повел борьбу с тратой чиновниками государственных средств, в том числе на представительские цели, презентации и пр., заставил их вести более скромный образ жизни и еще больше усилил борьбу с коррупцией. По мнению большинства экспертов, экономика КНР будет быстро расти еще, как минимум, лет десять.

Труднее предвидеть ближайшее будущее России. В возможность ее быстрого роста мало кто верит. Если при цене на нефть на мировых рынках в пределах 108–110 долл. за баррель нефтяные доходы перестали быть стимулом роста экономики, то откуда возьмутся новые средства для инвестиций? С разработками сланцевой нефти и новых источников топлива нефть, по широко распространенному мнению, будет дешеветь. По данным российских экспертов, у нас на старых скважинах себестоимость нефти составляет примерно 20 долл. за баррель, но они быстро истощаются, а себестоимость добываемой нефти в Восточной Сибири уже составляет около 60 долл. за баррель, а в Арктике, скорее, поднимется до 80 долл. Это притом, что во многих нефтедобывающих странах себестоимость добычи нефти в несколько раз меньше. Соответственно, доходы от экспорта нефти у нас будут падать. Надежды на внешние инвестиции пока не оправдываются. Инвестор охотно идет туда, где есть перспективные сферы приложения капитала, рабочая сила (как дешевая, так и высококвалифицированная), развитая инфраструктура, минимум бюрократизма, четкие правила ведения бизнеса, гарантия возврата капитала и личной безопасности. После вступления России в ВТО создать новый конкурентоспособный на мировом рынке продукт можно только либо в сфере высоких технологий, которая у нас неразвита, либо на совместных с передовыми странами предприятиях.

Что касается российско-китайских отношений, то они сейчас наилучшие за многие последние десятилетия. Только надо понимать, что Китай не будет с нами сотрудничать в деле создания инноваций, а станет участвовать только в тех совместных проектах, в которых сам заинтересован, добиваясь максимально выгодных для себя условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995.
Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. 2012. № 1.
Ли Синь. К вопросу о “китайской модели реформ” // Мир перемен. 2011. № 1.
Невейкин В. Уроки китайского // Форум Демократического сетевого общества. 21 декабря 2010 (<http://demset.org/f/showthread.php?t=1398>).
Соловьев Е. Силикон по-китайски // Российская газета. 14 февраля 2011.